

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РУСИ
И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
В XII–XV веках**

**К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ**

Б.Н. Флоря

В отечественной восточнославянской научной литературе и значительной части литературы зарубежной достаточно широко признается положение о том, что на XIV–XVI вв. приходится формирование на базе ранее единой древнерусской народности трех различных восточнославянских народностей: русской, украинской и белорусской¹.

Как современные исследователи представляют себе этот процесс в целом и каких они достигли результатов в его изучении, позволяют судить разделы, посвященные формированию белорусской народности в коллективном труде "Этнография белорусов". В нем подчеркивается то большое значение, которое имело объединение отдельных локальных групп восточных славян в рамках новых крупных политических общностей, таких, например, как Великое княжество Литовское. Это объединение способствовало укреплению связей между локальными группами, создавало условия для их одинакового развития и нивелировки различий между ними, что, в свою очередь, создавало предпосылки для их консолидации в народность. Однако, по мнению авторов, такая консолидация в полной мере стала данностью лишь в XVI в. (в этой связи авторы обращают внимание на столь важные события, как введение единообразного территориально-административного деления и кодификация права в общегосударственном масштабе), а в XIV–XV вв. социально-экономическая и политическая раздробленность в известной мере сохранялась². В свете этих наблюдений XIV–XV вв. следовало бы оценить лишь как начальный этап этнических процессов, приведших к образованию особой народности, когда еще не сложились все предпосылки для ее развития.

Характеризуя развитие этнического самосознания, авторы отмечают, что новый этноним "белорусцы" применительно к территории Белоруссии появился лишь в источниках конца XVI – начала XVII в. Для более раннего периода авторы констатируют (опираясь на так называемый

© Б.Н. Флоря

"Список русских городов дальних и ближних" – источник конца XIV в.) наличие в нем сочетания характеристик "потестарно-государственного типа" и традиционных политических объединений в форме "земель" с представлением о единстве всех восточных славян. Этнонимом, обозначающим белорусов в отличие от их иноэтничных соседей, оставался старый традиционный этноним "русский". В том же труде отмечена иерархическая структура самосознания белорусов XIV–XV вв., включавшая в себя сознание принадлежности к определенному государственно-политическому целому (термин "литвин", выступающий в роли политонима), сознание принадлежности к особому, "русскому" народу (в отличие, например, от этнических литовцев) и сознание принадлежности к определенной "земле" – более узкой и традиционной территориально-политической общности³.

Результаты исследований со всей очевидностью подтверждают сложность избранной проблематики, однако дают возможность наметить пути дальнейших изысканий. Ясно, когда имеешь дело с ранним этапом этногенетических процессов, нет оснований искать изменений этнического самосознания в изменении этнической терминологии (появление новых этнонимов), скорее следует выяснить, не отражают ли эти изменения переосмысления традиционной этнической терминологии.

Новые возможности в этой связи, как представляется, могут быть обнаружены при анализе этногенетических процессов, охватывавших ареал не одной из формирующихся народностей, а всю восточно-славянскую этническую территорию в целом. Исследователи справедливо связывали начало новых этногенетических процессов с образованием на территории Восточной Европы новых крупных политических общностей, объединивших в своих границах отдельные части восточного славянства. Поэтому в первую очередь – при изучении самосознания восточных славян в тот период, когда складывалось новое политическое деление, т.е. в XIII–XV вв., – необходимо выяснить, как осмысливалось это деление в рамках традиционной для восточных славян этнополитической терминологии, что нового появилось в тот период в отношении восточных славян, принадлежащих к определенному политическому образованию – к восточным славянам, находившимся за его пределами. Думается, именно таким путем можно установить, как преломлялось в сфере самосознания влияние различных факторов, способствовавших консолидации отдельных частей восточного славянства и их отграничению друг от друга. Наиболее рационально это исследовать на материале прежде всего летописных памятников, анализ которых позволяет проследить и постоянное функционирование определенного круга взаимосвязанных понятий и эволюцию их содержания на протяжении длительного хронологического промежутка.

В первой книге данного исследования на материале источников XI – начала XII в. была прослежена происходившая на протяжении этого периода смена значений термина "Русь" и очерчен круг производных от него понятий.

Приступая к исследованию судеб этнического самосознания восточных славян в XIII–XV вв., следует прежде всего выяснить, в какой мере круг этих понятий оставался характерным для составителей летописных текстов последних десятилетий XII – начала XIII в. Термин "Русь"

употреблялся летописцами в двойном значении: как обозначение особого древнерусского народа (синонимом в данном случае может быть словосочетание "язык русский") и как обозначение страны, государства (в этом случае синонимом являлось словосочетание "Русская земля"). Термин "Русь" как обозначение страны употреблялся в двух разных значениях: более узком и более широком. В более узком первоначальном он относился к району Среднего Поднепровья – территориям Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств, первоначальному ядру Древнерусского государства. В более широком – ко всему Древнерусскому государству, ко всей территории, заселенной восточными славянами. В кругу понятий, производных от термина "Русь" и с ним связанных, следует назвать еще термин "князи русские", обозначавший совокупность членов княжеского рода Рюриковичей, в чьих руках находилась власть над территорией Руси. К особенностям статуса "Руси" в узком смысле следует отнести то, что каждая из линий рода Рюриковичей имела формальное право на обладание какой-то долей ("причастьем") этой Русской земли.

На более низком уровне этническая территория восточных славян делилась на отдельные "земли", находившиеся, как правило, во владении отдельных ветвей княжеского рода, сохранявших, несмотря на междукняжеские разделы, сравнительно устойчивое политическое единство. "Земли" эти, если даже они сложились на базе этнической территории отдельных восточнославянских племенных союзов (как Полоцкая или Смоленская земли), представляли собой по сути новые политические образования, население которых уже утратило представление о своей генетической связи с этими племенными объединениями. Последние обозначения населения той или иной территории по их племенной принадлежности встречаются в источниках середины XII в. Преобладающим (а затем и единственным) со второй половины XI в. способом обозначения принадлежности населения той или иной земли становилось название, производное от названия административного центра данной земли (так называемые урбанизованные политонимы): "ростовцы", "новгородцы", "галичане" и т.д. В этих названиях, разумеется, отражалось сознание не этнического, а территориально-политического единства. Именно такое их понимание подтверждает и тот факт, что население более мелких единиц – отдельных уделов или административных округов, входивших в состав "земли", – обозначалось подобным же образом.

Количество "земель" было сравнительно небольшим: Киевская, Черниговская, Переяславская и Рязанская – на Юго-Востоке; Галицкая и Волынская – на Юго-Западе; Полоцкая, Смоленская, Новгородская – на Северо-Западе; Ростово-Суздальская – на Северо-Востоке.

Для конца XII – первой трети XIII в. есть возможность проследить функционирование этой уже традиционной системы понятий в разных древнерусских центрах: в Ростовской земле, в Новгороде и на юге в Киеве (по летописи Рюрика Ростиславича, лежащей в основе киевской части Ипатьевской летописи)⁴.

Изучение текста Ипатьевской летописи последней четверти XII в. позволяет без труда выявить в ней использование всего круга традиционных для древнерусской традиции понятий: и употребление термина "Русь" в значении одновременно народа и государства, и обозначение

территории, занятой "Русью", как "Русской земли", и название членов правящего рода "князьями русскими", наконец, присутствует в этом тексте и представление о "Руси" как комплексе территорий на русском Юге, противопоставленном другим восточнославянским землям.

Однако в использовании этих понятий можно выделить две противоположные тенденции. Одна из них – тенденция к сужению понятия "Русская земля" до рамок собственно Киевской земли. Так, уже в летописной записи под 1180 г. говорится о планах князя Святослава Всеволодовича выгнать с Киевщины смоленских князей Давыда и Рюрика Ростиславичей, и в связи с этим летописец вкладывает в уста князя слова "прииму един власть Роускою". Позднее, когда Рюрик и Святослав Всеволодович достигли соглашения, Рюрик "състоупи ему старейшинства и Киева, а себе возя всю Роускую землю". Соглашение не касалось ни Черниговской земли, где сидели родственники Святослава Всеволодовича (брат и племянники), ни Переяславля Южного, находившегося во владении суздальской ветви рода Рюриковичей. Таким образом, "вся Русская земля" летописи и в данном случае отождествляется с территорией Киевщины. То же следует и из летописной записи о вокняжении Рюрика в Киеве после смерти Святослава: "и обрадовася вся Роуская земля о княжении Рюрикове – кияне, и крестьяни, и поганья". Наконец, в этой связи можно напомнить о последовавшем несколько позже обращении Всеволода Большое Гнездо к тому же Рюрику: "сидел еси в Киеве, а мне еси части не учинил в Руской земли". И далее Всеволод разъяснял свои требования конкретнее: "а то Киев и Роуская область, а кому еси в ней часть дал, с тем же ей блюди и стережи". В соответствии с этим для летописца "князи роустии" – это прежде всего соправители, совместно владеющие Киевщиной Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, а выступления их в поход вместе с "братъею" летописец обозначает формулой "совокупившеся вси князи Роуские"⁵. Таким образом, летописец, работавший в Киеве, отождествляет "Русскую землю" прежде всего со своей, Киевской землей, а ее князей с "русскими" князьями.

В том же тексте можно, однако, обнаружить и следы противоположной тенденции, когда термины "Русская земля", "Русь", "русские" неоднократно прилагаются к тем восточнославянским землям, которые первоначально в состав "Руси" не входили. Так, в некрологе новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу, совершавшему из Новгорода успешные походы на "поганых" – эстов, указывалось, что он "всегда бо тосняшеться умрети за Роускую землю и за хрестьяны, егда бо видеша хрестьяны полонены от поганых". В помещенной под 1186 г. записи о походе Всеволода суздальского на волжских болгар встречаем указание, что болгары не смогли оказать сопротивления "видевши множество Роуских полков", а ниже читаем, что "поможе Бог Руси и победиша я"⁶. Можно было бы думать, что эти высказывания восходят к новгородскому или владимирскому источникам киевского свода, но в Новгородской I летописи нет вообще некролога Мстиславу Ростиславичу, запись о походе Всеволода в Ипатьевской летописи, как показывает ее сравнение с Лаврентьевской, действительно восходит к владимирскому источнику, но интересные нас выражения в нем не читались (судя по тексту Лаврентьевской), и в них можно видеть следы работы киевского редактора⁷.

Аналогичные черты повествования можно обнаружить и в рассказах о событиях, происходивших в юго-западной Руси. Рассказывая о реакции венгров, занявших Галич, на попытку галичан призвать на стол представителя местной княжеской ветви Ростислава Берладника, летописец отметил, что венгры начали "насиле деяти", узнав, что галичане "ищють себе князя Роускаго". Можно отметить и рассказ о битве Романа Мстиславича волынского в 1195 г. с польскими войсками: "и оударилася ляхове с Русью и потопташа Ляхове Русь"⁸. Все это несомненные свидетельства сохранения представления о "Руси" как территории, занятой особым народом "Русью" – восточными славянами. То, что следование такой традиции четко выявляется именно в южнорусской летописи, не удивляет, так как именно в Киеве при создании "Повести временных лет" впервые было четко сформулировано представление о "Руси" как особом народе – совокупности всех восточных славян, живших на территории Древнерусского государства. Общая черта этих сообщений та, что Волынская, Новгородская или Ростовская земли становятся для летописца "Русью" тогда, когда речь идет об их конфликтах с иными соседними народами: язычниками Прибалтики, волжскими болгарами, поляками. По-видимому, именно факты конфронтации такого рода служили одним из стимулов для того, чтобы представление о единстве "Руси" как особого этнополитического целого продолжало сохраняться.

Полученные результаты можно сопоставить с наблюдениями над текстами двух других источников: новгородского и владими́ро-суздальского летописания второй половины XII – первой трети XIII в.

В новгородском летописании второй половины XII – первой трети XIII в. гораздо строже, чем в Ипатьевской летописи, сохраняется традиционная система понятий. "Русь", "Русская земля" для летописца, как правило, находятся на юге, свою Новгородскую землю летописец не называет "Русью", своих князей и свои войска – "рускими". Лишь два косвенных свидетельства подтверждают наличие сохранившегося и здесь в общественном сознании представления о "Русской земле" как образовании, охватывавшем территорию более широкую, чем территория Среднего Поднепровья. Первое из них содержит рассказ о походе на Новгород войск Андрея Боголюбского и его союзников (1169 г.). Перечислив участников похода (суздальцы, смольняне, рязанцы, полочане), летописец констатирует, что против Новгорода выступила "вся земля просто Русьская". Свидетельство тем более интересное, что все земли, жители которых названы в летописи, в состав "Руси" в узком смысле не входили. На всем протяжении летописного текста лишь одно свидетельство говорит о том, что и Новгород был частью "Русской земли". Это запись о голоде под 1230 г.: голод случился "не в нашей земли в одной, нъ по всеи области Русстеи"⁹. Очевидно, что если связь Новгорода с "Русской землей" и осознавалась, то здесь не находили нужным эту связь подчеркивать, и гораздо больше распространенным здесь было понятие "Русь" в его узком значении.

Отмеченные применительно к новгородскому летописанию черты еще заметнее выявляются во владимирском летописании. Не только "Русь" владимирской летописи, как правило, обозначает Южную Русь, но и производные понятия – "Русская земля", "русские князи" чаще всего

подразумевают только эту часть Древней Руси. Так, под 1185 г. рассказ о походе южнорусских князей на половцев открывался словами: "ходиша бо князи Русстии вси на Половци". Позднее, когда после поражения Игоря сидевший в Киеве Святослав Всеволодович "посла по сыны свое и по все князи", половцы, "услышавше всю землю Русскую идущу", бежали на Дон. Что речь не идет о какой-то случайной обмолвке, подтверждает рассказ о походе Рюрика Ростиславича вместе с черниговскими Ольговичами на Галич в 1206 г., где читается: "слышав же король, что идут князи вси Русстие на Галич"¹⁰.

Вместе с тем сама Ростовская земля и ее жители обозначены как "Русь", но не прямо, а лишь в двух известиях конца 20-х годов XIII в. Так, говоря об усобице между соседившими с Ростовской землей мордовскими князьями, летописец отмечает, что сын князя Пуреша, напав на земли князя Пургаса, "изби Мордву всю и Русь Пургасову", т.е., очевидно, поселившихся во владениях Пургаса выходцев из Владимиро-суздальской Руси. Под тем же годом в летописи рассказывается о мученике Авраамии, убитом в Булгаре: "его же Русь, хрестьяне, вземше тело его положиша в гробе" (позднее мощи его были перенесены во Владимир). Здесь же рассказано, что мученик был "инога языка, не Рускаго"¹¹. Таким образом, и в данном случае контакты с иноязычной средой активизировали в сознании представление о "русских" – восточных славянах как особом народе – "языке". На этом фоне выделяются две записи. Одну из них читаем в некрологе Всеволоду Большое Гнездо в составе так называемого Летописца Переяславля Суздальского (княжеской летописи, которая велась в Переяславле, т.е. в городе его сына Ярослава): покойный "не токмо единой Суждальской земли заступник бе, но и всем странам земля Роусьскыя, и Новгородской, и Муромской"¹². Хотя под "Русской землей" здесь явно подразумевается южная Русь, но включается она вместе с некоторыми другими землями в сферу власти владимирского князя. В некрологе Всеволоду в Лаврентьевской летописи таких слов нет, но в ней помещено обращение Всеволода к его старшему сыну Константину, посаженному им на новгородский стол, где читаем, что "Новгород Великий старейшинство имать княженью во всеи Руськой земли", а на Константина "Бог положил... старейшинство в братьи твои, но и въ всеи Руськой земли"¹³. Итак, в двух текстах, посвященных утверждению верховной власти владимиро-суздальских князей над восточнославянскими землями, понятие "Русская земля" употребляется в двух разных значениях: в одном случае Новгород не входит в состав "Руськой земли", в другом составляет едва ли не главную ее часть.

В целом в источниках домонгольского времени понятие "Русь", "Русская земля" связывается прежде и чаще всего с территорией Среднего Поднепровья; понятие о "русских" – "Руси" как особом народе присутствует преимущественно в описании контактов с иноязычными соседями; представление о единстве всей Руси – восточных славян выражено наиболее четко в киевском летописании. Северные земли редко и несистематически отождествляют себя с "Русью".

Татаро-монгольское нашествие изменило очень многое: русский юг подвергся наибольшему разорению, в Киеве и Переяславле, а к концу XIII в. и в Чернигове не стало княжеских столов. С запустением юга и

перемещением населения на окраины усилилось политическое влияние Галицко-Волынской и Ростовской земель, претендовавших (хотя и признававших зависимость от Орды) на главную роль в политических делах, касавшихся всей восточнославянской территории.

Происходившие сдвиги нашли свое отражение в том, что исчезли представления о "Руси" как о территории Среднего Поднепровья, напротив, распространялось представление о Руси в широком значении, как особом целом, отличном от своих соседей. Все шире и энергичнее верхи тех или иных земель, не входивших ранее в состав "Русской земли", отождествляли себя именно с "Русью".

Все эти новые тенденции наиболее четко прослеживаются в самом обширном из древнерусских источников второй половины XIII в. – галицко-волынской части Ипатьевской летописи; здесь – прежде всего в летописи Даниила Галицкого – при описании событий первой половины XIII в. можно встретить высказывания, свидетельствующие о том, что у создателей этого текста еще сохранялось старое представление (в духе киевского летописания последних десятилетий XII в.), отождествлявшее Киевскую землю с Русью. Так, под 1213 г. записано, что Мстислав Мстиславич противостоял польско-венгерской армии "со всеми князьями Роускими и Черниговьскими". Под 1231 г. здесь же отмечено, что по договору с киевским князем Владимиром Рюриковичем Даниил Романович "из Роуской земля взя себе часть" – город Торческ. Однако в других записях этой ранней части летописи Галицкая Русь определено включается в состав "Русской земли". Так, победа Мстислава Мстиславича в борьбе за Галич с венграми и поляками оценивается как "милость от Бога Руской земле", а в уста изменника Судислава летописец вкладывает слова, обращенные к венгерскому королю: "изыдете на Галич и примете землю Роускую"¹⁴. В записях же о событиях второй половины XIII в. понятие "Русь" в узком смысле вообще не встречается.

Составитель волынской (более поздней) части летописи неоднократно использовал выражение "роусцей князи", но им обозначались правители Галицкой Руси – Лев, Мстислав и Владимир, а черниговские и смоленские князья в том же источнике обозначаются как "заднепрейские князи"¹⁵.

Наблюдая за характером употребления термина "Русь" в галицко-волынской части Ипатьевской летописи, можно сделать еще одно заключение. "Русь", как правило, означает в этом источнике не территорию, не страну, а прежде всего особый народ – в сопоставлении с иноэтничными соседями или в противопоставлении к ним. В таком же контексте сопоставления–противопоставления разных этносов употребляются в летописи и производные от термина "Русь"¹⁶.

Летописец Даниила Галицкого утверждал идею верховной власти галицко-волынских князей над Русью, понимаемой именно в таком широком значении. Уже в первой сделанной им записи говорилось о смерти отца Даниила Романа, "самодержца всея Руси", в другом месте утверждается, что он "бе цесарь в Роуской земли", а его сын Даниил, великий князь, владел "Роускою землею, Киевом и Володимером и Галичем"¹⁷.

Сходные тенденции можно проследить в произведениях, написанных во второй половине XIII в. в Северо-Восточной Руси, и прежде всего в

"Слове о погибели Рускыя земли". В этом произведении "Русская земля", занимающая территорию от "Угор" и до "Болгар" (волжских) и противопоставленная иноверным соседям – "поганским странам", где живут другие, иноверные народы, выступает как целое, подчиненное верховной власти родоначальника владими́ро-суздальских князей XIII в. – Всеволода Большое Гнездо¹⁸. Здесь термин "Русская земля" использован в широком значении, обозначая территорию, входившую в состав Древнерусского государства и заселенную восточными славянами. Такое понимание можно подкрепить и приведенными в Лаврентьевской летописи словами Батгя, обращенными к Ярославу: "буди ты старей всех князей в Русском языке". Старое понятие "Руси" (в узком значении) какое-то время после подчинения татарам сохранялось и здесь. Так, в летописи отмечено, что после возвращения сыновей Ярослава Всеволодовича из Орды младший, Андрей, "седе в Володимери на столе", а старшему, Александру, дали "Кыев и всю Русьскую землю"¹⁹. В дальнейшем, однако, такое значение слова "Русь" в текстах, возникших на русском Северо-Востоке, больше не встречается.

Вместе с тем, сопоставляя известия Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о событиях середины – второй половины XIII в., можно отметить одну важную особенность северо-восточного источника. Если в Ипатьевской летописи термин "Русь" и производные от него широко использовались для обозначения населения Галицкой Руси и ее правителей, то в Лаврентьевской летописи этот термин в противопоставлении "бесерменам" встречается лишь в рассказе о событиях в Курской области. В записях второй половины XIII в. Северо-Восточная Русь постоянно называется "Суздальской землей", а ее жители – "суздальцами"²⁰. Та же терминология и в написанном, по-видимому, во Владимире житии Александра Невского. Этот князь выступает в нем как правитель и защитник Новгорода и Суздальской земли²¹. Привлечение других источников позволяет, однако, констатировать, что в тот период зарождались и иные представления. Как показало исследование памятников более позднего времени, фрагментов летописного свода начала XV в. (Троицкой летописи) и так называемой Симеоновской летописи, передающей текст этой летописи за конец XIII – начало XIV в., в них обнаруживается текст, восполняющий значительные дефекты рукописи Лаврентьевской летописи, а также сообщения о событиях конца XIII – начала XIV в., почерпнутые из каких-то других источников²².

Обращение к этим текстам показывает, что еще и во второй половине XIII в. термин "Русь" мог пережиточно использоваться в узком значении: так, под 1269 г. в Троицкой летописи считалось, что митрополит поставил Феогноста "епискупа Русьскому Переяславлю и Сараю". Однако уже в то время, хотя и редко, термин "Русь" начинает употребляться и по отношению к Суздальской земле. Так, после смерти в 1277 г. в Орде князя Бориса Васильковича его жена, взяв тело, "повезе на Русь" – в Ростов; рассказ о набеге татарского царевича Дюдены в 1293 г. на Северо-Восточную Русь в Симеоновской летописи начинается словами "бысть в Русской земли Дюденева рать"²³.

Привлечение этого последнего источника позволяет сделать еще одно важное наблюдение: с 70-х годов XIII в. князей, правивших на территории

Суздальской земли, начинают называть "русскими князьями"; под 1297 г. в том же источнике сказано: "бысть съезд всем князем Русским в Володимере"²⁴. Так как в съезде участвовали только князья Северо-Восточной Руси, то по точному смыслу источника лишь их летописец готов был считать "русскими князьями". Все это были пока единичные примеры на общем фоне постоянного использования традиционной "областной" терминологии, но они отражали новые тенденции в развитии общественного сознания, полностью развившиеся в следующем, XIV в.

Полученную картину есть смысл сопоставить с тем, что дает для того же времени новгородское летописание. В Новгородской I летописи для того времени можно отметить и присутствие в ней термина "Русская земля" в широком значении и известия, в которых термином "Русь" как будто обозначается Ростово-Суздальская земля, но в целом эти известия положения не определяют. Ростово-Суздальская земля, на отношении с которой было сосредоточено во второй половине XIII в. внимание новгородского летописца, в этом источнике чаще обозначается как "Низ", "Низовская земля", а ее жители именуются "Низовцами"²⁵.

Таким образом, на протяжении XIII в. в севернорусских землях утвердилось понятие "Русь", "Русская земля" в широком значении, в состав которой входили и Ростовская земля и Новгород. Это понятие стало в исторических текстах единственным. В отличие от Юго-Западной Руси здесь пока не получили широкого распространения идентификация населения этих земель с "Русью", использование для самообозначения этого термина и производных от него.

Дальнейшее исследование интересующих нас процессов в следующем, XIV столетии представляет значительные трудности, так как памятников, созданных в тот период ни на Юге, ни на Западе Руси не сохранилось, памятники же, созданные на Северо-Востоке (прежде всего Троицкая летопись – свод 1408 г. и ряд связанных с ней по происхождению текстов), относятся уже к началу следующего, XV столетия и разделить их на ранние и более поздние слои пока не удастся²⁶. Поэтому особое значение приобретает показание Синодального списка Новгородской I летописи, тем более что работа над этой рукописью как раз была закончена в середине XIV в.

В записях о событиях первых десятилетий XIV в. картина остается прежней: Северо-Восточная Русь по-прежнему называется "Суздальской", или "Низовской" землей. Затем терминология летописного рассказа начинает меняться. Так, под 1322 г. в летописи записано, что "приходи в Русь посол силен именем Ахмыл и много створи пакости по Низовской земле". Здесь сохраняется старое, привычное название Северо-Восточной Руси, но одновременно эта территория называется "Русью" и отождествляется с "Русью". Князья, приехавшие в Новгород с Иваном Калитой, названы там же "русскими" князьями. Особый интерес представляет известие этого источника о нашествии татар после убийства Чол-хана в Твери в 1327 г.: "татары просто реши всю землю Русскую положиша пугу, толко Новгород ублюде Бог"²⁷. Здесь перед нами новое понятие "Русской земли", неизвестное более ранним текстам, где она отождествлена с северной частью Руси (Новгородская + Ростово-Суздальская

земли). Эпитет "вся" по отношению к территории, разоренной войсками Узбека и обозначенной как "Русская земля", наглядно это подтверждает.

В свете этих наблюдений может быть оценена терминология повествования о событиях первой половины XIV в. в северо-восточном летописании. Обращение к тексту Симеоновской летописи показывает, что со второго десятилетия XIV в. термин "Суздальская земля" и производные от него для обозначения Северо-Восточной Руси из текста исчезают, а как общее название для этой территории начинает использоваться термин "Русь"²⁸.

Хронологическое совпадение в смене терминологии в Синодальном списке Новгородской I и Симеоновской летописей позволяет полагать, что смена терминологии отражает перемены в общественном сознании населения русского Северо-Востока в первые десятилетия XIV в. Этот вывод может быть подкреплен наблюдениями над терминологией такого памятника, как "Повесть об убиении Михаила Тверского", написанного вскоре после убийства Михаила татарами в 1319 г. В нем рассказано о событиях на территории владимирского великого княжения, в частности о том, что татары специально сеют вражду "между братии князей Русьских", что из-за начавшихся раздоров "бысть тягота велика в Русьской земли". Здесь же отмечено, что тело казненного, "везуща... по городам по Русьским и доведшим Москвы"²⁹.

Для Юго-Западной Руси XIV в. подобными произведениями мы не располагаем, но пробел отчасти можно восполнить сведениями из документальных источников. Так, в договоре 1316 г. галицко-волинских князей Андрея и Льва Юрьевичей с Тевтонским орденом эти князья носят титул "*duces totius terre Russie, Galicie et Ladimirie*"³⁰. В грамотах Андрея Юрьевича краковским и торунским купцам 1320 г. он фигурирует с титулами "*dux ladimiriensis et dominus terrae Russie*", "*dux Ladimirie et dominus Russie*". Их преемник Болеслав-Юрий Тройденевич в договоре с Тевтонским орденом 1325 г. именовался "*dei graciae dux Russie*"³¹. Эти примеры титулатуры галицко-волинских князей – свидетельство того, что наметившееся уже в галицко-волинской части Ипатьевской летописи отождествление галицко-волинских земель с Русью сохраняло свою действительность и в XIV в.

То же видим и позднее. Так, сохранился договор 1352 г. между польским королем Казимиром и литовскими князьями, утверждавший права обеих сторон на занятые ими земли Галицкой Руси³². В нем зафиксировано обязательство сторон: "городов оу Роуской земли новых не ставити", упоминается "Русь, што Литвы слушаеть" и "Русь, што короля слушаеть", говорится, что делать, "аже побегнет русин а любо руска". В более позднем договоре 1366 г. говорится о том, что судьи короля должны судить "полянина по польскому закону... а русским судиям судити... и вину взяти по русскому закону"³³. Особого внимания заслуживает определение галицко-волинских князей в документе 1316 г. как "*duces totius terre Russie*". Сопоставляя это определение со свидетельством Новгородской I летописи о событиях 1327 г., можно сделать вывод, что в разных концах Руси появилось стремление отождествить именно свое политическое образование со "всей Русской землей". Так от самоотождествления с Русью намечался переход к тому, чтобы ограничить рамки этой "Руси"

границами своей политической общности, тем самым как бы противопоставив ее восточнославянским землям за ее пределами.

О самосознании населения земель Западной Руси, вошедших в сферу политического влияния Великого княжества Литовского, а затем и в его состав, можно судить также на основе документальных источников XIII–XIV вв.

Сохранившаяся от второй половины XIII – начала XIV в. серия подтверждений договора Смоленска с Ригой 1229 г. не оставляет сомнений в том, что "смоляне" – составители договора с русской стороны не только употребляли по отношению к своей области и ее населению термин "Русь" в его двух основных значениях, но и широко использовали производные от него: "русин", "русские" купцы, "русская" земля. В одной из редакций договора заключительная формула сформулирована следующим образом: "Тая правда Латиньскому възяти у Руской земли у волости князя Смоленьского и у Полотьского князя волости и у Витебьского князя волости"³⁴. Земли Западной Руси делятся здесь на отдельные княжения – "волости", но все они входят в состав "Русской земли".

Конечно, эти данные характеризуют самосознание верхов населения Смоленщины. Но и в договоре 1263 г. между Полоцким княжеством и орденом читаем: "што Руськая земля словеть Полочькая, то тое земли местерю и братья его отступити"³⁵. В относящихся уже к XIV в. договорах Гедимины и полоцкого князя Глеба с "немцами" также говорилось о "всех русских" (alle Russen), находящихся под властью великого князя литовского, и "Русской земле" (Rusland) наряду с "Литовской"³⁶.

Сопоставляя приведенные выше данные, можно сделать вывод, что на протяжении второй половины XIII – в начале XIV в. самоидентификация населения с "Русью" и "русскими" прочно утвердилась во всех частях Древней Руси.

Одновременно на территории Восточной Европы складывалось новое политическое деление, возникали крупные политические объединения, отдельные восточнославянские "земли", ранее самостоятельные, вливались в их состав, соединяясь в ряде случаев в одно целое с территориями, заселенными неславянскими этносами, другие земли утрачивали единство, их части оказывались в составе разных государств, как это произошло по договору 1352 г. с Галицкой Русью.

Какие представления о политическом делении восточных славян сложились к концу XIV в., позволяет судить анализ так называемого "Списка русских городов дальних и ближних", составленного около 1396 г. в канцелярии митрополита всея Руси Киприана³⁷. Особенностью этого памятника является то, что русские города в нем поделены на территориальные комплексы, наделенные особыми названиями. Ко времени составления Списка политическое деление Восточной Европы приобрело достаточно устойчивые границы, сохранявшиеся в значительной мере неизменными до конца интересующего нас периода. Галицкая земля с рядом более мелких территорий с середины XIV в. вошла в состав Польского королевства. Почти все остальные земли будущей Украины и территории будущей Белоруссии к тому времени вошли в состав Великого княжества Литовского. На Северо-Востоке Руси, разделенном на ряд

княжеств, постепенно утвердилось политическое главенство Москвы. Ее правители, утвердив за собой великокняжеский титул и присвоив себе территорию владимирского великого княжения, занимали одновременно и княжеский стол в Новгороде. Сохранявшие еще самостоятельность княжества на территории Черниговщины были объектом борьбы между Москвой и Литвой.

Эти новые политические реальности XIV в. лишь отчасти и неполно отразились в делении "Списка". Примером может служить помещенный в нем перечень "волинских градов". Перечень охватывал территорию Галичины, Волыни и части Западной Белоруссии (Пинск, Брест) и соответствовал границам Галицко-Волынской Руси второй половины XIII – начала XIV в. Таким образом, для составителей Списка как бы не существовало факта раздела этого политического образования между Великим княжеством Литовским и Польшей.

Территорию, находившуюся под властью литовских князей, составители списка явно не представляли единым целым. Правда, в нем выделен особый перечень "литовских градов", в состав которого включены города на территории собственно Литвы, Белоруссии вплоть до Торопца, Великих Лук и Белой и центры ряда черниговских княжеств, но отдельно от них в Списке помещены не только "волинские грады", но и "киевские". Под этим последним заголовком объединены города прежних – Киевской, Черниговской, Переяславской – земель вместе с частью Восточной Белоруссии: Могилев, Быхов, Рогачев и др. Грады "Залесские" охватывали города на территории Ростово-Суздальской и Новгородской земель и центры ряда черниговских княжеств (частично тех же самых, что и в списке "литовских градов")³⁸.

Даже краткая характеристика некоторых рубрик Списка показывает, что значительная часть этих комплексов не соответствовала ни границам "земель" домонгольского времени, ни ареалам сформировавшихся позднее отдельных восточнославянских народностей. Перед нами попытка своеобразного осмысления одного из этапов политико-территориального деления восточного славянства в эпоху формирования в Восточной Европе новых крупных государств, но еще до завершения этого процесса и полного его осмысления общественным сознанием.

Использованная в Списке терминология не является особенностью только этого источника и отражает понятия, распространенные ко времени его составления. Так, употребленное по отношению к Северной Руси название "Залесская земля", данное, очевидно, в Киеве для территории, расположенной за Брянскими лесами, неоднократно встречается в памятнике Северо-Восточной Руси "Задонщина"³⁹. Название "земля Волинская" встречается не только в литературных текстах, повествующих о времени существования Галицко-Волинской Руси, но и в деловых текстах, отражающих современные события. Например, в одном из посланий Киприана 1378 г. читаем, что "Алексееви митрополиту не вольно было сласти ни в Вельньскую землю, ни Литовьскую"⁴⁰. Встречаем ту же терминологию и на страницах летописи, где особый интерес представляет запись под 1357 г. о разделе единой общерусской митрополии между московским ставленником Алексеем и кандидатом литовских князей Романом: "приде Алекси митрополит на Русьскую землю, а Роман на

Литовскую и на Волыньскоую"⁴¹. Здесь отошедшая к Алексею Северная Русь названа "Русской землей" и как таковая противопоставлена не только Литовской, но и Волынской.

Эти особенности записи заставляют внимательнее присмотреться к способу использования понятия "Русь" в производных от него в северо-восточном летописании, отразившемся в летописных памятниках начала XV в. Особо привлекают внимание две летописные записи о вокняжении и смерти Ивана Калиты. В первой из них говорится, что, после того как Иван Данилович "седе... на великом княжении всея Руси... престаша погании воевать Русскую землю", а во второй отмечено, что покойного князя оплакивали "все мужи москвичи... и весь мир христианьскы и вся земля Роуская, оставше своего господаря"⁴². При строгом подходе эти записи, сделанные не при Калите, а значительно позже (в первой из них сказано, что после вокняжения Калиты татары 40 лет не совершали набегов), допускают двоякое толкование: 1) эти формулировки отражают притязания московских князей на верховную власть над "всею Русью" – всей этнической территорией восточных славян; 2) "Русская земля" в этих текстах отождествляется с владимирским великим княжением, главой которого был Иван Калита. Уже одна из особенностей первой записи говорит в пользу второго понимания: "поганые" после вокняжения Калиты перестали нападать на территорию владимирского великого княжения, а на "русские" земли, подчинявшиеся Литве, они продолжали совершать походы и посылали в походы против них своих вассалов – русских князей⁴³. Такой вывод можно подкрепить дополнительными наблюдениями над рядом формул, употреблявшихся в летописных записях. Так, выражение "вси князи Роусьскыи" здесь используется для обозначения совокупности князей, правивших в Северо-Восточной Руси. В рассказе о походе Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г. читаем: "собрав всю силу русских городов и со всеми князми рускими совокупся", он выступил в поход. В рассказах о походах войск Мамаю на Русь в 1378 и 1380 гг. повторяется, что татары хотели напасть "на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую"⁴⁴. "Русские земли" в составе Великого княжества Литовского в обоих случаях не были объектом татарского нападения, а в 1380 г. великий князь литовский был даже союзником татарского хана. Очевидно, что и здесь "вся земля Русская" отождествляется с великим княжением владимирским. Центр этого княжения – Владимир становился соответственно центром "Русской земли". Известный автор написанной в конце первого десятилетия XV в. "Повести о Едигее" так и писал, что Владимир – это "стол земли Русския, в нем же и князи велиции Русстии первоседание и стол земля Русския приемлють"⁴⁵.

Такое понимание накладывало отпечаток и на освещение событий прошлого. Так, в кратком московском летописце, сохранившемся в сборнике статей, который сопровождал текст Новгородской I летописи младшего извода, о поездке Андрея Боголюбского, уехавшего вопреки воле отца с иконой Богородицы из Киева во Владимир на Клязьме, сказано, что он отправился в путь "без отча повеления и поеха на Русскую землю", а ниже об Иване Калите сказано, что хан "его пожаловал и дал ему княжение великое над всею Русскою землею, яко же

и праотец его великий Всеволод – Дмитрий Юрьевич"⁴⁶. Великое княжение владимирское здесь не только отождествлено с "Русской землей", но и четко противопоставлено другим частям Древней Руси, которые "Русской землей" не являются.

Все эти тексты возникли в среде, тесно связанной с Москвой и ее политическими интересами даже в том случае, когда (как в "Повести о Едигее") политика конкретного великого князя вызывала беспокойство. Поэтому важно было установить, можно ли обнаружить такое понимание понятия "Русская земля" в памятниках летописания, связанных с другими центрами Северной Руси: Тверью, Новгородом, Псковом.

Тверская летописная традиция XIV–XV вв. отразилась в ряде текстов в соединении с другими летописными текстами, но текстологический анализ, проведенный А.Н. Насоновым, позволяет ее выделить⁴⁷. Наблюдения дают возможность сделать записи о связанных с Тверью событиях 1327–1328 гг. Здесь цитируются слова советников хана: "аще не погубиши князя Александра и всех князей Роусских, то не имаши власти над ними". Александр Михайлович тверской был главой именно владимирского великого княжения, и именно его территории касались действия, предпринятые затем ханом. Далее говорится о том, что князь Александр, спасаясь от татар, ушел во Псков, "оставль княжение роуское". Как представляли себе в Твери границы "Русской земли", позволяет выяснить текст так называемого "Предисловия летописца княжения тферскаго", сохранившийся в составе так называемого Тверского сборника. Отметив, что Александр Михайлович, как и его отец, владел "Русской землей", летописец далее очертил ее границы: "владеющею землею Рускою, Володимером и Великим Новым городом и всею странюю до моря Варяжского и паку Новымгородом Нижним и до предел Измаилтеских"⁴⁸. Очевидно, что границы "Русской земли" в этом тексте полностью совпадают с границами великого княжения владимирского.

В Новгородской I летописи младшего извода обнаруживаются в несколько измененном виде формулы, характерные для московского летописания, например известие под 1375 г. о том, как ходил Дмитрий Донской на Тверь "со всеми князьями и со всею силою рускою". И в более поздних известиях читаем, что Витовт "хотел пленити Рускую землю" и что в 1432 г. Василию Васильевичу "даше княжение великое... на всеи Руской земли"⁴⁹. Сходную картину обнаруживаем и во псковском летописании, где читается своя версия рассказа о событиях 1327 г. в Твери. Здесь читаем, что выступившие против Александра тверского "русские князья" против него "подъяша всю землю Рускую"; в 1380 г. "князь великий Дмитрии и вси князи руския бишася с тотары за Доном"; в 1409 г. "князь великий Василей, подъем всю Рускую землю и поиде на тестя своего Витовта"⁵⁰.

Таким образом, отождествление "Русской земли", в которой правят "русские князья", с землями Северной Руси – территорией владимирского великого княжения – следует рассматривать как явление характерное, по крайней мере для образованной элиты общества этого региона. Появление этого представления значительно опередило по времени политическое объединение будущей Великой России в одном государстве – Российском.

При изучении интересующего нас процесса – постепенного изменения представлений отдельных частей восточного славянства о себе и других группировках восточных славян – важно понять, какими чертами в очерченном круге памятников наделен образ "Литовской земли", "Литвы".

Анализ "Списка русских городов" показал, что еще в конце XIV в. Великое княжество Литовское не воспринималось в кругах, близких к митрополии, как нечто единое: наряду с "Литовской землей" здесь выделялись "Киевская" и "Волынская" земли. Подобные представления были не чужды и составителям летописных сводов, создававшихся на Севере Руси в первой половине XV в., а вероятно, и их источникам.

Так, в Псковской I летописи читаем, что Ольгерд в 1341 г. привел с собой во Псков "моужии своих литовков и мужии видьблян", под 1343 г. здесь же упоминается "гость псковский в Полтеске или в Литве"⁵¹. Таким образом, даже в рамках "литовских градов" Списка севернорусские современники отличали собственно "Литву" и русские земли, в состав этой "Литвы" не входившие. С этими свидетельствами следует сопоставить запись в Новгородской I летописи под 1335 г.: "бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебско"⁵². Здесь Витебск – один из городов "Литовской земли" – рассматривается как часть "Руси", подобно Москве или Вологде. Аналогичные высказывания можно встретить и позже. Так, автор "Повести о Едигее" отметил, что во время описываемых им событий Витовт владел "всею землею Киевскою и Литовскою". В Псковской II летописи под 1422 г. тоже указывалось, что псковские послы, не застав Витовта в "Литовской земли", поехали "за Киев в Луческ великий"⁵³.

Однако таких высказываний не столь уж и много, их можно обнаружить главным образом в новгородском и псковском летописании. Главная же тенденция, прежде всего московского летописания, иная – генерализирующая, т.е. когда Великое княжество Литовское отождествляется с Литвой, его войска – с "литовской ратью", города и волости этого государства называются "литовскими" и т.д. Примеры такого расширительного использования соответствующей терминологии столь многочисленны, что не могут быть все приведены. Остановимся лишь на наиболее показательных. Так, в ряде летописей помещены подробные рассказы о битве войск Великого княжества Литовского с татарами на реке Ворскле в 1399 г. В Новгородской I летописи считаем, что "по грехом случися горе немалое литовским детем... воевод и Литвы многое множество ту костью падоша". Во Псковской II летописи также констатируется, что в битве "побиша множество литовских князей и панов". Особенно интересно свидетельство Новгородской IV – Софийской I летописей, в котором подробно перечислены представители разных этносов в составе армии Витовта: "Литва, и Немци, Ляхи, Жемоть, Тотарове, и Волохы, и Подоляне"⁵⁴. Как видим, за исключением жемайтов и несколько загадочных "подолян", все остальное население Великого княжества обозначено здесь термином "Литва".

То же наблюдаем и в известиях, касающихся столкновений между Великим княжеством Литовским и орденом. Пример – запись в Новгородской I летописи о "Великой войне" с орденом в 1410–1411 гг.: "бысть тое осени Ляхом и Литве 3 побоища с Немци". О войне с орденом

в 1422 г. в Псковской II летописи сказано, что для ее ведения Витовт "събра силы многы, не токмо Литву, но москвичь, тферичь и иных многих подъем"⁵⁵. Хотя в этих войнах с Орденом из числа жителей Великого княжества участвовали отнюдь не только представители литовского этноса, войско Витовта и здесь обозначается термином "Литва".

Такое же обозначение всех жителей Великого княжества термином "Литва" имеет место и при описании конфликтов между этим государством и севернорусскими княжествами. В условиях отождествления территории владимирского княжения с "Русской землей" конфликт под пером летописцев приобретал характер противостояния между "Русью" и "Литвой". Уже в записи Новгородской I летописи о битве на Ворскле, цитированной выше, указывалось, что поражение Витовта было карой за то, что он "хотел пленити Рускую землю". Наиболее ярко такая тенденция прослеживается в описаниях войны князей Северо-Восточной Руси с Витовтом в 1406–1409 гг. Как отмечено в Псковской I летописи, "князь великий Василий, подъем всю Рускую землю... а князь Витовт, подъем всю Литовскую землю, и поиде противу". Еще более выразительно свидетельство "Тверского сборника": "прииде зловернии Витовт на усть Угры с силою Литовскою и Немецкою и Ляцкою, князь же великий Василей Дмитриевич поиде противу с своею братией и со всеми князми Рускими и со всею силою Рускою"⁵⁶. В данном случае речь идет не о специфически московской точке зрения, а о позиции, характерной для сознания образованного общества всего Севернорусского региона.

Это отождествление Севера Руси с "Русской землей", а русских земель под властью литовских князей с "Литвой" влекло за собой определенные последствия. В XIII в. и в северно- и в южнорусском летописании сложилось устойчивое представление о "литовцах", "литве" как язычниках – "поганых", нападающих на православных "русских". Этот стереотип устойчиво сохранялся в московском летописании XIV в. В описании осады Москвы войсками Ольгерда в 1368 г. подчеркивалось, что он "многы церкви и многы монастыри пожегл" и "много христиан посече". Так, конфликт между Москвой и Литвой приобретал характер борьбы между "погаными" и христианами. Такое отношение обнаруживается не только в московском, но и в новгородском летописании. Когда в 1381 г. жители Полоцка отложились от Великого княжества и обратились за помощью в Новгород, они, по словам летописца, сделали это "просяще помощи по крестьянству". Хотя в 1387 г. язычники-литовцы стали христианами, трактовка конфликтов между Великим княжеством Литовским и севернорусскими княжествами продолжала оставаться прежней. Так, в рассказе о войне между Витовтом и Псковом в 1406 г. псковский летописец приводит слова псковичей, обращенные к новгородцам: "поидите, господа, с нами на Литву мстити крови христианския"⁵⁷. Аналогичную картину находим в записях "Тверского сборника" о войне Витовта с княжествами Северо-Восточной Руси в 1406–1409 гг. Летописец цитирует слова московского князя, обращенные к тверскому: "абы еси, брате, послал помощь христианом", и приводит ответ: "князь же великий Иоан обеща ему помощь послати христианом"⁵⁸. В условиях, когда термин "Литва" все чаще распространялся на всю совокупность населения, подвластного литовским князьям, эти представления так или иначе

должны были влиять на взаимоотношения между той частью прежней "Руси", которая объединилась в рамках "Русской земли" и той ее части, которая вошла в состав "Литвы" и вместе с "погаными" воевала против "христиан".

В современной зарубежной (главным образом англоязычной) литературе постоянно подчеркивается, что одной из важнейших предпосылок для формирования отдельных восточнославянских народностей стало влияние на разные части восточных славян традиций разного культурного круга, что привело к появлению серьезных социокультурных различий между ними, осознанных позднее как этнические⁵⁹.

Не все в конкретных построениях, связанных с постановкой этой проблемы, представляется бесспорным (например, явно сомнителен тезис о сильном воздействии золотоордынского общества на русское), но сильное культурное влияние польского общества на предков украинцев и белорусов в конце XIV–XV в. – факт бесспорный. Однако в источниках того времени трудно обнаружить следы осознания таких различий, наличие лишь одного определенного следа позволяет думать об известном осознании этих различий севернорусским обществом. Это обозначение знати Великого княжества (а затем и дворян вообще) особым, заимствованным из польского языка термином "паны". Русские летописцы, первыми использовавшие этот термин, явно имели в виду польских феодалов: "князи лятьские и панове"⁶⁰. Рогожский летописец рассказывает о сражении войск Великого княжества Литовского с татарами на Ворскле в 1399 г. и о гибели в битве "многих князь и бояр", но Псковская II летопись уже повествует о том, что татары "побиша множество литовских князей и панов"⁶¹. В 1440 г. новгородский летописец, объясняя причины убийства великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича, заметил, что убитых "панов и земьских людей не мало без милосердия изгуби". В известиях о московско-литовской войне 1445 г. предводители литовского войска названы "панами" и в московском, и в новгородском летописании⁶². Особенно интересна терминология Пространной редакции "Задонщины" (список Ундольского). Здесь один из братьев Ольгердовичей, идущих на помощь Дмитрию Донскому, говорит другому: "зберем, брате, милые пановя удалые Литвы храбрых удалцов", а в помещенном в заключительной части памятника перечне погибших вслед за боярами из разных городов Северо-Восточной Руси автор называет "30 новгородских посадников... 30 панов литовских"⁶³. Ясно, что термином "литовские паны" здесь обозначен весь правящий слой Великого княжества Литовского, отличный по положению от феодалов Северо-Восточной Руси ("бояр") и Новгорода ("посадников"). Таким образом, на Северной Руси постепенно осознавались отличия своей "земли" и живущих на ней от других частей Руси.

Однако наряду с этим (что придает особую сложность изучаемому явлению) в сознании того же общества Севера Руси продолжали бытовать представления о "Руси", "Русской земле" как всей территории, занимаемой восточными славянами, и о "русском народе" как совокупности всех восточных славян. В XIV в. единство "Руси" в этом широком значении олицетворяла киевская митрополия, власть которой независимо от местопребывания митрополита именно в таком понимании должна была

распространяться на всю "Русь". В связи с попытками раздела митрополии (сообразно складывавшемуся в Восточной Европе новому политическому делению) в переписке константинопольского патриарха с русскими иерархами неоднократно утверждалось, что, несмотря на политические разделы, "русский народ" Ἕννος τῶν Ρῶσων остается единым и, как это было прежде, должен управляться одним митрополитом из Киева. Соответственно "Литовская земля" воспринималась как часть этой "Руси"⁶⁴. Очевидно, что пребывавшие в Москве митрополиты, заинтересованные в сохранении единства митрополии, должны были поддерживать и пропагандировать такие идеи. В летописных сообщениях о церковных делах в XIV – начале XV в. термин "Русская земля" используется именно в этом широком значении. Так, под 1354 г. в Рогожском летописце читаем: "поставлени быша два митрополита на всю Рускую землю Алексей да Роман". Новгородская I летопись цитирует под 1376 г. заявление Киприана: "благословил мя патриарх Филофей митрополитом на всю Рускую землю". В митрополичьей летописи Фотия отмечено, что великий князь литовский Витовт, дабы поставить в Киеве митрополитом Григория Цамблака, "собрав епископи Руския, иже во области его живуци"⁶⁵.

К последнему высказыванию можно присоединить и другие (правда, преимущественно из новгородских и псковских летописей) свидетельствующие о том, что на Севере Руси хорошо себе представляли, что на территории "Литовской земли" тоже живет "Русь". Так, в Новгородской I летописи под 1440 г. говорится, что "все литовьскыи грады и рускыи" избрали на великокняжеский трон сына Ягайлы, Казимира. Рассказывая под следующим, 1441 г. о попытках митрополита Исидора склонить православное население Великого княжества Литовского к унии с Римом, тот же летописец отметил: "Литва же и Русь за то не изымашася". В Псковской II летописи под 1471 г. помещен некролог киевского князя Семена Олельковича, который успешно защищал Киев от "ордынских царей" – "тем же и превознесеса во всей Роуси". Из этой же летописи узнаем и о пожаре в Вильне: сгорели в "Ляцком конце бозници Ляцкыа", "а Роуского конца и святых церквей божиих бог оублюде"⁶⁶. Очень важно, что на Севере Руси сохранялось твердое осознание генетической связи своей "Русской земли" с Древнерусским Киевским государством и своих "русских" князей с Владимиром киевским.

В этом смысле очень ценны свидетельства "Задонщины", тем более показательные, что они принадлежат пограничному между "ученой" литературой и фольклором памятнику. Как известно, главная тема этого произведения – победа предводителя князей Северо-Восточной Руси Дмитрия Ивановича Донского над войском хана Мамаю, начинается оно (в старшем списке) с упоминания об Афете – "от него же родися Русь преславная", с призыва подняться "на горы Киевьскыа" и с воспоминания о киевском "гудце" Бояне, который пел славу "русскимъ княземъ" – Рюрику, Игорю, Святославу. Здесь же сказано, что Дмитрий и его двоюродный брат выступили в поход, "помянувши прадеда Володимера Киевъскаго, царя русскаго". Та же связь подчеркивается и в пространной редакции "Задонщины", где победа на Куликовом поле трактуется как возмездие за поражение, нанесенное татарами на Калке южнорусским князьям⁶⁷. Параллели такому пониманию обнаруживаются и в "ученой"

литературе и в фольклоре. Примером первого рода могут служить "Предисловие летописца княжения Тферскаго", открывающееся заявлением "От Киева же бо почну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града", или "Повесть о Едигее", автор которой сообщает о намерении следовать примеру киевского летописца начала XII в. Сильвестра Выдубицкого и ищет в "начальном летописце Киевском" похвальные примеры поведения "первых наших властодержцев" – киевских князей, которые должны служить образцом московскому великому князю Василию Дмитриевичу⁶⁸. Усиление осознания связи с Киевом, киевской темы в низовом народном сознании описываемого времени нашло выражение в процессе циклизации эпических сюжетов и героев вокруг Киева и двора князя Владимира. Д.С. Лихачев на примере анализа свидетельств о ростовском "храбре" Алеше Поповиче, которого эпическая традиция из дружинника ростовского князя превратила в одного из киевских богатырей, прекрасно описал этот процесс⁶⁹.

В таком памятнике, как "Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Руськаго", славное прошлое даже полемически противопоставляется еще более славному настоящему: "Похвалает... Володимера Киевская с окрестными грады, тебе же, князь великий Дмитриий, вся Руская земля". Здесь "Русская земля" – явно вся этническая территория восточных славян – "русских". В свете именно такого понимания следует, очевидно, воспринимать и другие черты "Слова", такие, как неоднократное именование Дмитрия Донского "господином" и "царем" "всеи земли Руской", а самой "Руской земли" – его "отчиной", которую на ложе смерти он передал сыну Василию. Известно, что одно из главных политических достижений Дмитрия Донского – превращение в вотчину московских князей великокняжеской территории в составе Владимирского великого княжения. В завещании Дмитрий Донской действительно благословил старшего сына "своею отчиною, великим княженьем"⁷⁰. И хотя великое княжение в нем никак не названо, ранее уже приводились данные о том, что в летописных памятниках великое княжение Владимирское неоднократно отождествлялось с "Русской землей". По логике при таком отождествлении появление представления о "Русской земле" как вотчине московских князей вполне закономерно. Изучение "Слова о житии и преставлении" позволяет сказать еще об одном наблюдении: сохранившееся в общественном сознании понятие "Русь" (в широком смысле) дает возможность характеризовать отношение к ней московских Даниловичей аналогично отношению к великому княжению Владимирскому.

Обращает на себя внимание появление (применительно к московскому великому князю) таких формул в сочинениях митрополита Фотия, которому понятие "Русь" в широком смысле было хорошо известно и который неоднократно его использовал в своих посланиях. Заставляет задуматься, например, утверждение Фотия в поучении, обращенном к Василию Дмитриевичу: "Христос тебе, великаго князя... предстателя великаа всеа Руси дарова". В другом месте, пользуясь одним из традиционных эпитетов византийского императора, он назвал великого князя "оком всей Руси"⁷¹. Так возникали первые предпосылки для "собирания (к концу XV в.) русских земель" под властью их законных владельцев – московских князей, потомков Владимира.

Развитие этнического самосознания восточнославянского населения на территории Великого княжества Литовского в XIV–XV вв. не может быть прослежено столь же подробно, с указанием разных тенденций прежде всего из-за ограниченного круга памятников (и ограниченного их объема), имеющих в нашем распоряжении. К тому же и эти тексты проливают свет лишь на события первых десятилетий XV в. Самый ранний из этих текстов – грамота православных епископов с территории Польши и Великого княжества Литовского о поставлении митрополитом Григорием Цамблака (1415 г.). Участники собора определили себя как "смирении епискупи русских стран", а своего правителя Витовта – как "литовскаго и многих русских земель господаря". Таков был официальный титул правителя Великого княжества, именно так титулован Витовт в его договоре с тверским князем Борисом Александровичем. Витовт созвал на собор "вси князи литовских и русских земель и иных стран"⁷².

Сопоставляя формулировки этого документа с терминологией севернорусских источников, можно сделать некоторые наблюдения: если на Севере Руси утвердилось представление о "Русской земле" как особой, единой стране, совпадающей с Великим княжеством Владимирским, то "русские" земли под властью Витовта не воспринимались как целое, а лишь как совокупность отдельных "русских земель"; если московские князья с середины XIV в. носили титул "всея Руси", то Витовт, чьи "русские" владения были более обширными, назывался государем лишь "многих", но не "всех" русских земель. Из этого вытекает, что существовали "русские земли", лежавшие за пределами Великого княжества Литовского. Очевидно, что термин "Русь" и производные от него используются в данном тексте в их широком значении, соответствующем всему восточнославянскому ареалу. В этом смысле и надо понимать слова документа о Киеве – "яже глава есть всей Руси".

Текст решений собора епископов следует сопоставить с текстом похвалы Витовту в рукописи, написанной в 1428 г. по заказу смоленского епископа Герасима⁷³. Очерчивая круг владений и влияния великого князя, составитель похвалы записал, что ему подчинялись "великое княжение Литовское и Роусьское и иная великая княженья, спроста рещи вся Роуская земля", и далее пояснил: "тогда бяхоу крепко слоужахоу емоу велиции князи, великий князь Московьски, великий князь Тферьски, велики князь Рязаньски, великий Новъгород, великий Пъсков и спроста рещи весь Роуський язык". Здесь уже русские земли, находившиеся под властью Витовта, представлены как некое единство – "великое княжение русское", но наряду с ним как некое гораздо более обширное единство представлена и "Русская земля", складывающаяся из "великих княжений", которые подчинялись верховной власти Витовта. Границы этой "Русской земли" совпадали с границами этнической территории "русского народа" – "языка русского" – всей совокупности восточных славян. Таким образом, термин "Русь" и здесь используется в традиционном (широком) значении и отдельные части восточных славян отделяют друг от друга только политические границы. Но и здесь можно отметить зарождение того же явления, каковое было прослежено ранее на севернорусском материале. Хотя "великое княжение Русское" – часть "Русской земли", ранг его, судя по его общему названию, уже вы-

ше, чем у других великих княжений, чьих правителей обозначают названиями центров их княжеств.

Результаты анализа этих текстов следует сопоставить с результатами анализа несколько более поздних по времени записей летописного характера. Комплекс таких записей сохранился в составе компиляции середины XV в., наиболее полно переданной в так называемой Супрасльской летописи. Текстологические исследования⁷⁴ позволили установить, что первая, наиболее обширная часть компиляции восходит к памятникам летописания, составленным на Севере Руси, и отражает типичные для этого региона взгляды и представления, лишь заключительные разделы, повествующие о событиях в Великом княжестве Литовском после смерти Витовта, отражают местную, вероятнее всего смоленскую, традицию. Вторая, самостоятельная часть компиляции – так называемый Летописец великих князей литовских (сохранившийся и в латинском варианте) представляет собой описание событий, происходивших в Великом княжестве Литовском в 80-х годах XIV в., оно составлено в окружении Витовта явно для оправдания его деятельности в то время. Хотя этот текст не возник непосредственно в восточнославянской среде, в нем правомерно искать отражение взглядов и представлений восточнославянского населения на территории Великого княжества. С этого хронологически более раннего текста и следует начать анализ.

Текст этот в терминологическом плане близок "Списку русских городов". Для его составителя Великое княжество Литовское не образовывало единства, и термин "Литовская земля" прилагался прежде всего к этнографической Литве. Это подтверждают особенности рассказа о принятии Ягайлой католичества: он крестился "со всеми князи и бояре Литовские земли" и после этого "начаша костелы ставити по всей Литовской земле". "Литовская земля" здесь явно страна литовцев-католиков. В ряде контекстов эта "Литовская земля" противопоставляется иным землям в составе Великого княжества – Полоцку, Витебску, Воляни. Вместе с тем это противопоставление свидетельствует об эволюции названий территориальных комплексов в соответствии с актуальными политическими границами. Если в Списке термином "грады Волянские" обозначена вся территория Галицко-Волянской Руси, то в "Летописце" "Волянская земля" – это только территория Воляни в составе Великого княжества: Ягайло Витовту при их примирении дал "Луческ со всею Волянскою землею". Восточнославянское население под властью литовских князей обозначено в этом источнике термином "русские": против восставшего Полоцка Ягайло отправил "рать свою всю литовскую и рускую"⁷⁵.

Несколько иную картину находим в смоленских записях о феодальной войне в Великом княжестве. Здесь совокупность восточнославянских земель четко противопоставляется "Литве", "Литовской земле", литовскому "великому княжению" как "великое княжение Русское": "Литва же посадиша великого князя Жигмонта... на великое княжение на Вилни и Троцехь... и князи руськыи и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княжение на Руское"⁷⁶. Появлению и укоренению такого понятия способствовало определенное сплочение "русских" феодалов Великого

княжества под влиянием развившейся в этом государстве интеграции и по причине их общего недовольства концентрацией политической власти и сословных привилегий в руках литовских бояр-католиков⁷⁷. Предводители этих феодалов и здесь назвались "русскими князьями"⁷⁸, хотя в отличие от князей Северо-Восточной Руси среди них преобладали не потомки Рюрика, а обрусевшие Гедиминовичи.

Представление о "русских землях" в Великом княжестве Литовском как особом единстве продолжало укореняться. Под 1440 г. среди тех же смоленских записей читаем, что, пригласив из Польши младшего сына Ягайлы Казимира, "посадиша его со честью на стольничьем граде на Вилне и на всеи Руской земли". Таким образом, и здесь, как и на Севере Руси, произошло отождествление своего политического образования со "всею Русской землей". Различие состояло лишь в том, что на Севере выработка этого понятия предшествовала политическому объединению этой части восточнославянских земель, а здесь, наоборот, понятие последовало за объединением. Отождествляя себя с "Русью", "Русской землей", феодалы восточнославянских земель Великого княжества избегали распространять это название на восточнославянские земли, находящиеся за пределами их политического объединения. Из краткой летописи, в которую вошли записи о событиях конца XV в., сделанные на Волыни, и присоединенной к ней похвалы Константину Острожскому видно, что население восточнославянских земель, объединившихся вокруг Москвы, стало с того времени постоянно обозначаться термином "москвичи"⁷⁹.

Однако и здесь параллельно с новыми понятиями продолжало бытовать старое понятие "Русь" в качестве всей территории восточных славян. Именно в этом смысле следует понимать грамоту Казимира 1451 г., в которой он извещал, что по совету с Василием Темным "дали есмо" митрополиту Ионе "столець митрополичь киевськыи и всея Руси, как перше было, по уставлению и по обычаю рускаго христианства"⁸⁰.

Отсутствие свидетельств местной исторической традиции на этот счет может быть в известной мере компенсировано свидетельствами польского хрониста второй половины XV в. Яна Длугоша. В своих "Анналах" он, как известно, широко использовал древнерусские летописи, что подтверждает его контакты с восточнославянским населением на территории Великого княжества – следовательно, можно попытаться отыскать в его труде отголоски характерных для этой среды взглядов и представлений. В вводной части труда Длугоша восточные славяне представлены как общность потомков одного предка – Руса; очерчивая границы земли, занятой этими потомками, он отметил, что на Севере они заходят за Новгород, самый богатый город на Руси. Впрочем, такой вывод Длугош мог сделать сам, на основании изучения древнейшей части летописей, в которых Новгород – важнейшая часть Руси. Существенно, однако, что такие утверждения мы находим и в другой части его труда: рассказывая о походах Витовта на Псков (1426 г.) и Новгород (1428 г.), он указывает, что жители этих городов являются "русскими" по языку и происхождению, более того, "русские" в войске Витовта добивались заключения мира с Новгородом, заботясь о народе, с которым их соединяют та же религия, те же обычаи и язык⁸¹. Последнее свидетельство, основанное явно на

сообщениях участников похода, говорит о живучести представления о былом единстве, былой связи между отдельными частями "Руси" и на восточнославянских землях Великого княжества. И здесь мы имеем дело лишь с началом изменений этнического самосознания. Дифференциация отдельных частей восточных славян и их интеграция в рамках новых крупных политических общностей – Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского – уже начались, но до их завершения было еще далеко.

Последний вопрос, который следует затронуть в данном разделе, касается появления в источниках XIV–XV вв. особых обозначений для отдельных частей Руси – "Великая", "Малая" и т.д. Поскольку эти термины почти не встречаются в источниках восточнославянского происхождения, этим вопросом можно было бы пренебречь, если бы не высказанное сравнительно недавно мнение, что названия "Великая", "Белая", "Малая Русь" обозначали этническую территорию соответственно великорусской, белорусской и украинской народностей и что их появление – важнейший показатель, свидетельствующий о процессе формирования этих народностей⁸².

Итак, это мнение заставляет снова обратиться к вопросу времени появления и характеру использования этих названий, т.е. к тому, что неоднократно рассматривалось в научной литературе, особенно в ряде работ А.В. Соловьева⁸³.

Термин "Малая Русь" появился в византийских актах XIV в. в связи с хлопотами галицко-волинского князя Юрия Львовича по поводу создания особой митрополии с центром в Галиче для его владений. Поэтому в одном из византийских документов середины XIV в. читаем: "епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Вольтинью"⁸⁴. Термином "Вольтинь" в источниках XIV в. как раз обозначалась территория Галицко-Волинской Руси. Разграничение, проведенное в связи с церковным разделом, проникло затем и в светские источники – отсюда титул последнего галицкого князя Болеслава Юрия – "dux totius Russiae minoris"⁸⁵. В противовес Галицко-Волинской Руси вся остальная территория Руси, управлявшаяся по-прежнему общерусским митрополитом (с резиденцией в Киеве и во Владимире), получила название "Великой или Большой Руси" в противоположность "Малой"⁸⁶. В начале XIV в. для владений литовских князей была создана особая "литовская" митрополия. В 1361 г. кандидату литовского князя Ольгерда на митрополичий стол Роману решением патриархии были переданы "литовские" епископии и епископии "Малой Руси". В летописи в этой связи отмечено, что Роман поставлен "на землю Литовскоую и на Вольтинскоую"⁸⁷.

В дальнейшем понятие "литовских" епископств стало распространяться на всю территорию, находившуюся под властью литовских князей. При новом разделе митрополии в 70-х годах XIV в. связанный с литовским двором митрополит Киприан стал митрополитом "Литвы и Малой Руси", т.е. территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, а оставшаяся территория, продолжавшая называться "Великой Русью", отошла к кандидату московских князей Пимену⁸⁸. Появление в византийских источниках XIV в. (в связи с разделами общерусской митрополии) терминов "Великая" и "Малая Русь",

а также "Литва" было обусловлено разграничением политических зон влияния в Восточной Европе; термин "Великая Русь" лишь к концу XIV в. стал совпадать с будущей великорусской территорией, а термин "Малая Русь" не соответствовал границам будущей украинской территории.

Другая группа терминов, появившаяся в источниках XIV в., связана с "цветовыми" обозначениями отдельных частей Руси – "Белая", "Красная" (Червоная) и позднее – "Черная". По вероятному предположению Г. Людата⁸⁹, использование этих терминов восходит к практике словоупотребления тюркских народов, когда те или иные географические части страны (царства) обозначались разным цветом: белый обозначал запад, красный – юг, черный – север. Термин "белый" имел, однако, в тюркской среде и другое смысловое значение – "великий"; термину "белая орда" в славянском переводе ярлыка золотоордынского хана Тохтамыша польскому королю Владиславу Ягайле соответствовало в тюркском оригинале документа словосочетание "ulug ulus" – великая орда⁹⁰.

В венгерских источниках XIV в. Галицкая Русь обозначалась как земля "Ruthenorum Alborum"; в то же самое время польский хронист Янко из Чаркова упоминал о городе Полоцке, находившемся в "Alba Russiae"⁹¹.

В источниках раннего XV в., в частности в немецкой хронике Ульриха фон Рихенталя, появляется уже и определение "Roten Reysen" – Красная (Червоная) Русь. В одном из мест хроники этим термином обозначается Галичина, в другом – Смоленск. Позднее термин "Russia tубea" (или "tубsa") начинает устойчиво употребляться именно по отношению к Галицкой земле, возможно потому, что речь шла о чисто географическом определении – южная часть Руси⁹².

Более сложной оказалась история распространения терминов "Белая Русь" (возможно, в связи с многозначностью его семантического значения) и "Черная Русь", оппозиционного первому. Так, в сочинении византийского хрониста второй половины XV в. Лаоника Халкокондила такие города, как Москва, Тверь, Киев, отнесены к "Черной" Сарматии (так хронист называет Русь), а территория Новгородской земли названа Белой Сарматией. С устойчивым названием Новгородско-Псковских земель "Белой Русью" сталкиваемся в источниках второй половины XIV – начала XV в., связанных с деятельностью Тевтонского и Ливонского орденов. Территория на север от Новгорода на ряде географических карт XV в. обозначалась как "Russia Alba" в противоположность лежавшей южнее "Russia Negra" – название, относившееся на этих картах одновременно к территориям и Великого княжества Литовского и складывавшейся Московской Руси. Наконец, в источниках второй половины XV в. появляется словосочетание "Russia Alba sive Moskovia"⁹³. Очень важно, что аналогичные и сходные словосочетания обнаруживаются, как известно, в записанных в Москве рассказах о Флорентийском соборе. В "Повести" Симеона суздальца Василий II именуется "белым царем всея Руси"⁹⁴. В рассказе так называемого свода 1479 г. о том же событии упоминается "болшее православие и вышшее христианство Белье Руси". Все это показывает, что интересующие нас термины, хотя и редко, встречаются и в восточнославянских источниках. По-видимому, и здесь "Белая Русь" употребляется в значении "Великая Русь", тем более что и сам термин (правда, как внешний, используемый иностранцами)

встречается в "Повести" Симеона: "славна бе земля та и фрязове зовут ея Великая Русь"⁹⁵. Непросто, однако, понять, к какой части восточно-славянской территории этот термин относится. Правда, название Василия Темного "белым царем" как будто заставляет отождествить "Белую Русь" с владениями московских князей, тем более что и его сын Иван в переписке с римским папой выступал как *Johannes dux Albae Rossiae*⁹⁶, но эти памятники писались тогда, когда уже зарождалась концепция "сбирания русских земель" под властью единственных законных преемников Владимира – великих князей московских. Не исключено, что "Белая (Великая) Русь" означала именно всю восточнославянскую территорию как законную вотчину московских князей. Такое предположение можно подкрепить свидетельством кормчей, написанной в Новгороде в 1493 г., т.е. на территории, находившейся под их властью. Здесь читаем, что Владимир святой привел первого митрополита Михаила "к Белой Руси х градоу Киевоу"⁹⁷.

Появление в источниках XIV–XV вв. такой группы терминов отражает зарождение представлений о существовании серьезных различий между отдельными частями прежней Руси (с разных точек зрения) не образующими единого целого, но нет никаких оснований говорить об устойчивой связи какого-либо из этих терминов с этническим ареалом одной из трех восточнославянских народностей.

Из всего сказанного, как представляется, можно сделать три важных вывода. Во-первых, следует несколько изменить взгляд на роль XIII в. в истории восточного славянства. Действительно, в тот период произошло серьезное ослабление связей между Югом, Западом и Севером Руси, что очевидно из содержания написанных после 1240 г. памятников, однако в то же самое время сошло на нет понятие "Русь" (в узком смысле), и области, лежавшие за пределами Среднего Поднепровья, гораздо чаще и последовательнее, чем ранее, стали отождествлять себя с "Русью". Таким образом, во всем восточнославянском ареале в XIII в. усилилось чувство принадлежности к особой древнерусской народности, что, по-видимому, явилось естественной реакцией на небывалое именно в ту эпоху расширение контактов с иноэтничными соседями и на прямую конфронтацию с некоторыми из них.

Относительно XIV–XV вв. можно говорить о попытках осмысления общественным сознанием восточных славян тех (одновременно дифференцирующих и интегрирующих) процессов, которые привели к объединению разных частей восточных славян в рамках новых крупных политических общностей. Попытки эти находили свое выражение в новом восприятии некоторых традиционных понятий, прежде всего в отождествлении восточнославянских территорий в рамках своей общности со "всей Русской землей" и "великим княжением". Появление таких представлений не сводится к целенаправленным действиям какого-либо одного политического центра (например, Москвы) и вызывалось к жизни, по-видимому, именно возникновением реальных различий в исторических (прежде всего политических) судьбах отдельных частей Руси. Это, как и появление особых названий для отдельных частей Руси, свидетельствует об определенном ослаблении традиционного представления о единстве восточнославянского мира, что в дальнейшем могло способствовать

формированию представления о наличии в его рамках этнических различий. Подобные процессы, однако, только начинались: сохранялось устойчивое представление о "Руси" как этнополитическом единстве всех восточных славян и о "русском языке" – особом народе, также объединявшем всех восточных славян.

Что касается возникавших в то время социокультурных различий, то в XIV–XV вв. они лишь начинали осмысляться общественным сознанием и еще не являлись одним из критериев зарождающегося разделения.

Наконец, еще одно замечание: если в источниках можно проследить осознание каких-то (говоря условно) различий между "Русью Московской" и "Русью Литовской", то нельзя обнаружить каких-либо признаков различного отношения к восточным славянам, жившим на севере и юге от Припяти.

Новый этап в развитии этнического самосознания восточных славян наступил во второй половине XV в., когда образовавшееся к тому времени единое Русское государство собирало все "русские земли", реализуя программу возрождения Древнерусского государства с центром в Москве. Это не могло не вызвать сильную ответную реакцию "Литовской Руси".

¹ Положение это отвергают лишь те (преимущественно украинские) исследователи, кто считает недоказанным существование древнерусской народности. См., напр.: *Pritsak O., Reshetar J.S. The Ukraine and the Dialects of Nation Building // Slavic Review. 1963. N 2. P. 230–235.*

² Этнографія беларусаў. Мінск, 1985. С. 59–62, 63 и сл.

³ Там же. С. 69–71, 80, 83–84.

⁴ Галицкую часть Ипатьевской летописи, хотя она и содержит описание событий с начала XIII в., есть основания считать целостным текстом, написанным в середине XIII в. (подробнее об этом см.: *Ужанков А.Н. "Летописец Даниила Галицкого": редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1: XI–XVI века.* Поэтому было бы неосторожно использовать этот текст для характеристики представлений древнерусского общества в период, предшествовавший татаро-монгольскому нашествию.

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 615, 624, 681, 683, 652.

⁶ Там же. Стб. 610, 625–626.

⁷ НПЛ. С. 36, 226; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 389–390.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663, 687.

⁹ НПЛ. С. 33, 221, 71, 280.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 394, 399, 427 (сын Всеволода Большое Гнездо Ярослав, сидевший в Переяславле Южном, в походе не участвовал).

¹¹ Там же. Стб. 451, 452–453.

¹² Летописец Переяславля Суздальского // *Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 9. С. 110.*

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 422.

¹⁴ Там же. Т. 2. Стб. 738, 766, 738, 760; см. там же (стб. 815) запись о том, что Миндовг послал войска "на Роусь воевать ко Смоленскоу".

¹⁵ Там же. Стб. 872, 876, 880, 892, 897.

¹⁶ Там же. Стб. 730; "одолеша Ляхове и Русь"; Стб. 757; "сотворише же межи собою клятву Русь и Ляхи"; Стб. 801: "исполчив же вон свое Роусь, и Оугры, и Ляхы" и т.д.; Т. 2. Стб. 831: "створив же свет вси князи Роустии и Лядстии"; Стб. 858: "положиша ряд межи собою о землю Роускою и Лядьску".

¹⁷ Там же. Стб. 715, 807. Заслуживает внимания и то, что в обращенных к нему папских буллах Даниил постоянно фигурировал как "rex Russiae", в то время как его брат Василько именовался только "владимирским князем". См.: *Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841, Т. 1. № 67. С. 51; № 69. С. 62; № 74. С. 65.*

- ¹⁸ *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века: "Слово о погибели Русской земли". М.; Л., 1965. С. 156–157.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, 472.
- ²⁰ Там же. Стб. 475, 481, 485.
- ²¹ См., например, произнесенные над гробом князя слова митрополита Кирилла: "зайде солнце земли Суздальской" (*Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 178).
- ²² *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 21, 42–43.
- ²³ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 330, 334; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 82.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 74–75, 83.
- ²⁵ См. в новгородском некрологе Александру Невскому: "иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю"; "Приде весть из Руси зла, яко хотять татарове тамги и десятины на Новгороде"; хан Берке Александра Невского "удержа... не пустя в Русь": НПЛ. С. 82–83, 84; см. также: С. 73, 78, 80, 81; ср. С. 326.
- ²⁶ *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 45.
- ²⁷ НПЛ. С. 92, 94, 95, 96, 98.
- ²⁸ Последнее известие такого рода под 1309 г.: "приеха ис Кнѣва пресвященнии Петр митрополит на Суждальскую землю": ПСРЛ. Т. 18. С. 87. В 1313 г. митрополит Петр из Орды "прииде на Русь", в 1315 г. пришедший с Михаилом Тверским посол Тягтемерь "много зла учини в Русской земле", в 1318 г. прииде "из Орды на Русь посол лют Кончя" и разорил Кострому и Ростов: Там же. С. 88–89.
- ²⁹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 208, 209, 215. Древнейшая редакция памятника не издана, но, судя по текстологическому исследованию В.А. Кучкина, при включении в Софийскую I летопись, по тексту которой даны цитаты, памятник не подвергался терминологической правке под интересующим нас углом зрения. См.: *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 77 и сл., 211 и сл.
- ³⁰ *Codex diplomaticus Prussicus* / Ed. J. Voigt. Königsberg, 1842. Т. 2. N 75.
- ³¹ Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исследований. СПб., 1907. С. 149–153.
- ³² Грамоти XIV ст. Київ, 1974. № 14. С. 30–31.
- ³³ *Барвіньский Б.* Историчні причинки. Львів, 1909. Т. 2. С. 58.
- ³⁴ Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 58 и сл., 69.
- ³⁵ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977. № 1.
- ³⁶ Там же. № 4; *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 155, 157.
- ³⁷ *Наумов Е.П.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники: Сб. ст. 1973. М., 1974; см. также: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 364 и сл.
- ³⁸ "Список" цитируется по публикации М.Н. Тихомирова. См.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 101–102, 107–108, 110, 117.
- ³⁹ Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 535, 536, 537.
- ⁴⁰ В написанном Киприаном житии митрополита Петра ее правитель Юрий Львович представлен как правитель "Вельньская земли". См.: *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 208; см. также: С. 200; ср. в "Повести о Едигее" о Витовте: "владеющею всюю землею Киевскою и Литовскою": ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 179; Т. 18. С. 156.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65.
- ⁴² Там же. Стб. 44, 52–53; Т. 18. С. 90, 93; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 359.
- ⁴³ См. летописную запись о походе князей Северо-Восточной Руси вместе с татарами к Смоленску "по цареву повелению" в 1339 г. Запись заканчивалась словами "милостию же божию съблюдеи вся рать русская" (*Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 363).
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 53 ("тое же зимы бысть съезд на Москве всем князем Роусским"); см. также: Стб. 110, 134, 139; Т. 18. С. 93, 127, 129; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 365 и ряд последующих записей.
- ⁴⁵ См. также об ордынском после, который в 1358 г. "выиде... на Рязанскую землю" и послыал к Ивану Ивановичу "о разъезде земли Рязанские, князь же велики не впусти его в свою отчину в Русьскую землю": ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 67, 181; Т. 18. С. 100, 157.

- ⁴⁶ НПЛ. С. 467, 469.
- ⁴⁷ *Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН. Сер. 7. Л., 1930. № 9.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42, 44; СПб., 1863. Т. 15. Стб. 415, 416, 465.
- ⁴⁹ НПЛ. С. 372, 395, 416.
- ⁵⁰ ПЛ. Вып. 1. С. 16, 32; Вып. 2. С. 29.
- ⁵¹ ПЛ. Вып. 1. С. 18, 21.
- ⁵² НПЛ. С. 346.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 179; Т. 18. С. 156; ПЛ. Вып. 2. С. 39–40. НПЛ. С. 395; ПЛ. Вып. 2. С. 31.
- ⁵⁴ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 251; Л., 1925. Т. 4, ч. I, вып. 2. С. 384.
- ⁵⁵ НПЛ. С. 401; ПЛ. Вып. 2. С. 38.
- ⁵⁶ НПЛ. С. 395; ПЛ. Вып. 1. С. 32; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 90; Т. 18. С. 108–109; НПЛ. С. 378; ПЛ. Вып. 1. С. 31.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 475. Иначе в записи Новгородской I летописи о "Великой войне" Польши и Литвы с орденом: "много же крестьян и Литвы и Ляхов от Немец избieno бысть": НПЛ. С. 401.
- ⁵⁹ См., напр.: *Allen W.* The Ukraine: A history. Cambridge, 1941. P. 45 ff.; *Miller W.* Who are the Russians? L., 1973. P. 34 ff.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 153; ср. Т. 18. С. 137.
- ⁶¹ Там же. Стб. 165, ср. Т. 18. С. 143; ПЛ. Вып. 2. С. 31.
- ⁶² НПЛ. С. 420; 424; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 394.
- ⁶³ Слово о полку Игореве... С. 536, 538.
- ⁶⁴ Местным соответствием греческой формуле было, по-видимому словосочетание "язык русский" – см. в переводе грамоты патриарха Антония (1393 г.): "митрополить вашъ... власть имать всяку над вами и в всем языке том и людии Русских": РИБ. Т. 6. Стб. 430; см.: Прил. Стб. 36–37, 41–42, 95–96, 141–142, 157–158, 193–194. Новейшее исследование церковных споров XIV в. см.: *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь. Париж, 1990.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 63; НПЛ. С. 374; ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 55.
- ⁶⁶ НПЛ. С. 420, 421; ПЛ. Вып. 2. С. 173, 179.
- ⁶⁷ Слово о полку Игореве... С. 535, 548.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 463; Т. 15, вып. 1. Стб. 185.
- ⁶⁹ *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // Тр. Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 2. С. 354, 358, 359–360, 366; Т. 6. С. 110; ДиДГ. № 12. С. 34.
- ⁷¹ РИБ. Т. 6. № 35. Стб. 293–294.
- ⁷² Там же. № 38. Стб. 310–311; ДиДГ. № 23. С. 62 (договор заключен с Витовтом "литовским и многих Руських земель господарем").
- ⁷³ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 417. Об этом памятнике подробнее см.: *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 115–117.
- ⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Чамярыцкі В.А.* Беларускія летапісы, як помнікі літаратуры. Минск, 1969. С. 40 и сл.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 62, 63, 64.
- ⁷⁶ Там же. С. 57. Такое размежевание не соответствовало историческим фактам, но в данном случае главный интерес представляет восприятие событий летописцем из местной среды.
- ⁷⁷ Не случайно одним из итогов войны было издание великим князем Сигизмундом в 1434 г. привилея, признававшего за "русскими" (rutheni) феодалами Великого княжества права и привилегии, ранее предоставленные литовцам.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 57–58.
- ⁷⁹ Там же. С. 60, 182, 125–126.
- ⁸⁰ РИБ. Т. 6. № 67.
- ⁸¹ *Dlugosz J.* Annales. L. I. S. 87, 90; LXI. S. 340, 363–364.
- ⁸² История Украинской ССР. Киев, 1982. Т. 2. С. 328.

- ⁸³ Свообразным итогом работы А.В. Соловьева над темой можно считать его статью: *Solovjev A. Weiss, Schwarz und Rotreussen: Versuch einer historisch-politischen Analyse // Solovjev A. Byzance et la formation de l'Etat russe. L., 1979.*
- ⁸⁴ РИБ. Т. 6. Прил. № 3. Стб. 13–14.
- ⁸⁵ Болеслав Юрий II... С. 154. Позднее как правитель "Малой Руси" обозначил себя в грамоте константинопольскому патриарху польский король Казимир, захвативший в середине XIV в. Галицкую землю. См.: РИБ. Т. 6. Прил. № 22. Стб. 125.
- ⁸⁶ См. употребление обоих терминов в документах 1347 г. о ликвидации галицкой митрополии.
- ⁸⁷ РИБ. Т. 6. Прил. № 13. Стб. 76; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65.
- ⁸⁸ РИБ. Т. 6. Прил. № 30. Стб. 171–172, 177–178.
- ⁸⁹ *Ludat H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen: Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziehungen // Saeculum. 1953. Bd 4.*
- ⁹⁰ *Solovjev A. Op. cit. S. 12.*
- ⁹¹ *Ibid. S. 11.*
- ⁹² *Ibid. S. 13–14.*
- ⁹³ *Ibid. S. 11, 14, 15.*
- ⁹⁴ *Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 207.*
- ⁹⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 254; *Павлов А.С. Указ. соч. С. 199–200.*
- ⁹⁶ *Solovjev A. Op. cit. S. 14.*
- ⁹⁷ *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 154.*

САМОСОЗНАНИЕ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОСТИ В XV ВЕКЕ

Б.Н. Флоря

Выделение XV в. как особого этапа в истории развития польской народности диктуется рядом обстоятельств. Прежде всего меняется база источников: наряду с литературными произведениями не менее важную роль начинает играть документ, сам характер которого отличается от характера документа более раннего времени. С конца XIV в. различные объединения феодалов начинают участвовать в осуществлении важных государственных функций, в частности обращаться от своего имени к сословным объединениям соседних стран. Таким образом, появляется возможность изучать свидетельства, непосредственно отражающие воззрения целых общественных слоев, что ранее заведомо исключалось.

Другое важное обстоятельство, позволяющее выделить XV в. как отдельный период, – перемены в общественно-культурной жизни страны. После основания Краковского университета круг образованных людей стал постепенно расширяться. Верхняя часть этого слоя – своего рода интеллектуальная элита, – со временем все заметнее влиявшая на духовную жизнь общества, во многом способствовала развитию самосоз-